

Текст · 30 ноября 2022, 10:54

Алла Константинова,

«Я в рабстве». Монолог военнослужащей, чей контракт закончился больше месяца назад, но которую все равно не отпускают со службы

На службе я уже 14 лет, работаю в отделе делопроизводства одной из воинских частей Москвы. Последний пятилетний контракт у меня должен был закончиться 6 октября этого года. Продлевать его я не планировала, это было для меня такой конечной точкой.

В день окончания контракта — 6 октября — я была на больничном с детьми. Когда вернулась, мне сказали: «Мы тебя не уволим». Начальник части со мной не разговаривал, только мой непосредственный руководитель и начальник отдела кадров. Нет, никакой альтернативы мне не предложили. Сказали: «Служи». Сколько служить? До конца мобилизации.

Я прекрасно понимала, что если есть указ президента, в котором черным по белому написано, что действующие контракты действующих военнослужащих продлеваются^[1] до конца мобилизации, то меня никто не отпустит.

Сейчас такая ситуация, что я, по сути, даже не военнослужащая. Как говорят начальники, сейчас я считаюсь «служащим на добровольной основе». Это то же самое, что уезжающие в зону СВО

добровольцы, да. Я спрашиваю начальство: «А где она была, добровольная основа? Когда меня спросили?». Получается, переход в этот статус случился, конечно, без оформления каких-либо бумаг.

Шойгу заявил, что мобилизация закончена, президент тоже. Но юридически-то ничего нет — никакого акта, указа об отмене^[2]. Никто не будет подписывать документы на увольнение, пока не издадут указ. Как мне сказал кадровик, «последняя война была пять лет»! Какую войну он имел в виду, я не знаю.

Из армии у нас просто так не уйдешь.

Военнослужащий не может просто написать рапорт и уволиться. Мне не регистрировали рапорт, уговаривали. Ну, я для себя уже все решила, но когда тебе вот это вот каждый день: «Ну подумайте!», «Ну давайте вы еще подумаете?», «Давайте вы по-другому подумаете?», это психологически тяжело.

Сейчас оснований для увольнения у военнослужащих три. Категория Д — когда ты скорее мертв, чем жив — это очень серьезные заболевания. Например, у нас с одной ногой, с протезом, разрешается служить в армии. Второе основание — предельный возраст нахождения на военной службе, а также если в отношении военнослужащего есть вступившее в силу решение суда. Я ни по одному основанию сейчас уволиться не могу, я в рабстве. Хотя в мирное время могла бы уйти по здоровью — у меня не категория Д, но есть заболевание, которое позволило бы [уволиться].

Можно расторгнуть контракт «по несоблюдению условий», например. Но это отрицательные основания — так и будет прописано в трудовой книжке, что это «несоблюдение условий контракта». Отрицательное основание в дальнейшем отражается даже на гражданской деятельности, потому что чаще всего работодатели звонят и спрашивают, почему уволили.

У меня двое маленьких детей: старший ребенок во втором классе, а дочь ходит в детский сад. Это, кстати, одна из причин, почему я собралась увольняться. Они очень часто болеют, и врач наш говорит, что это психосоматика: они у меня ломают руки, болеют по месяцу гайморитом. То есть делают все, чтобы я не ходила на работу. У меня тоже горло постоянно болит — по психосоматике это тоже от невысказанности, из-за того что молчать постоянно надо. Ну, я на работе по большей части и молчу как раз.

Езжу пять дней в неделю по четыре часа на машине на работу и обратно. Встаю в пять утра, детей не вижу — выезжаю в шесть. Возвращаюсь около семи вечера каждый день. Еще бывают дежурства, от двух до четырех в месяц, то есть я могу не возвращаться домой и по три дня. Сплю прямо в части на диване: по уставу, военнослужащий на собственном дежурстве может отдохнуть три часа. Сами понимаете, это вообще не сон.

Я работаю с бумагами. Почему я ночью должна работать? Потому что я военнослужащий. Нет, эту логику я не понимаю. Вы знаете, я последние семь лет вообще мало чего понимаю в армии.

Нам с мужем помогает свекровь. Но муж тоже работает, у него руководящая должность в другом ведомстве. И он видит, что я каждый день приезжаю домой и плачу, а сделать ничего не могу. У меня хотя бы какая-то конечная точка была — окончание контракта, а сейчас я вообще не знаю, что делать.

Когда я пришла работать в 2009-м, все было по-другому. Я из династии офицеров, всю жизнь прожила в военных городках. Я шла на престижную и приличную работу. Тем более это было начало 2000-х, когда как раз воинские части начали... нормально себя «чувствовать». Я видела хороших советских офицеров: отец мой, его сослуживцы... Но, к сожалению, уже давно офицеры не те. Я, конечно, не про всех говорю, но большинство. Ведут себя некрасиво, скажем так. Не по-офицерски. Их пять лет учили ничего не делать и командовать людьми. И, я думаю, вы понимаете, что происходящее в Украине — это в том числе и ошибки офицерского состава.

Изменилось отношение к людям. Опять же, нагрузки — сейчас неукомплектованность большая в армии. То есть нагрузки перераспределяются, и если гражданский может в шесть часов закрыть дверь и сказать: «Я пошел домой», то военный так не может.

Когда я стала уже открыто на работе говорить, что хочу уволиться, ко мне стали подходить: «Ты знаешь, я тебе очень завидую». Уволиться много кто хочет на самом деле, у всех просто разные причины [оставаться]. У кого-то военная ипотека, кто-то до пенсии дослуживает.

Меня еще коллеги спрашивали: «А что ты будешь делать после увольнения?». Я говорила, что буду сидеть дома, что муж мне разрешает. Конечно, сидеть дома я не собираюсь — я две профессии получила еще дополнительно. Но всем на работе я рассказываю, что буду сидеть дома. Также сейчас на меня давят начальники: «Подписывайте контракт, подумайте». А я: «Мне муж не разрешает». И они теряются. Когда я говорю о реальных причинах, что это, вот это и вот это меня не устраивает, они сразу находят десять аргументов мне в ответ. А если я говорю, что мне муж не разрешает контракт подписывать, молчат.

Коллеги не то чтобы активно интересуются происходящим в Украине. Если интересуются, то вскользь, и если им отвечать, как я, то в принципе тебя ни о чем не спрашивают. Но знаю, что во многих других частях по-другому. У нас занятие по пропаганде провели — и разошлись все по рабочим местам. А в некоторых частях открыто спрашивают: «Как относитесь?». И, конечно, в такой ситуации [на службе] надо относиться «правильно».

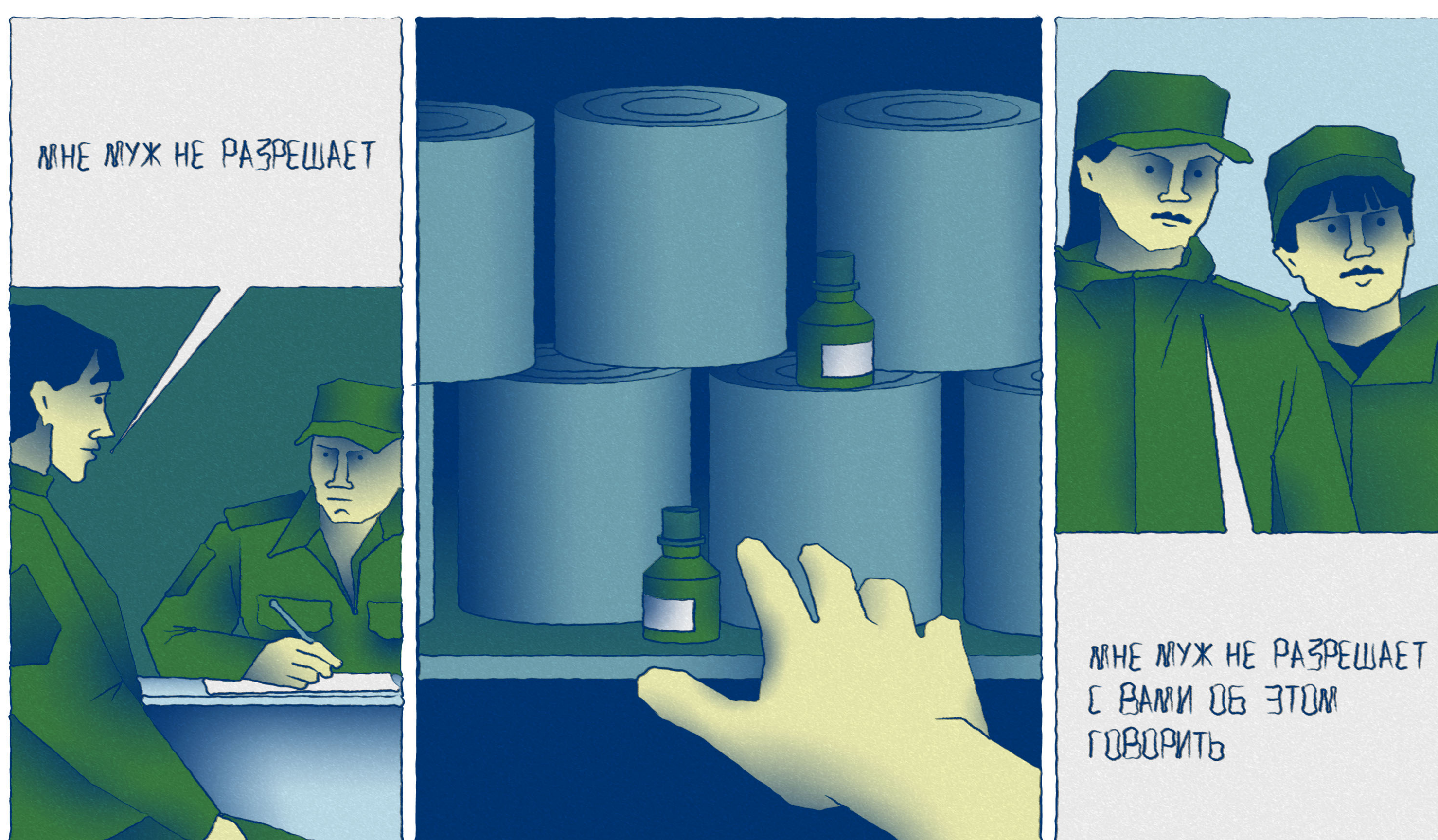

Иллюстрация: Mari Msukanidze / Медиазона

У нас во всех частях есть пропаганда, конечно. Это такие занятия для сотрудников с объяснением причин, целей военной операции и так далее. Но я о своей позиции молчу и ни с кем не разговариваю. Все коллеги привыкли, что я очень сильно завишу от мужа — я же создала себе такой образ. И когда меня спрашивают: «Как ты относишься?», я отвечаю: «Мне муж не разрешает с вами об этом говорить». Все, как бы, смотрят на меня как на дурочку, но прокатывает эта история. Да, это везде такой абсурд. Я перестала что-либо понимать. Я решила, что если я себе буду пытаться все объяснить как-то логически, то я сойду с ума.

Пыталась перевестись в другую часть, поближе к дому, но меня не переводили, потому что нехватка людей. Из армии хотят уволиться много людей, потому что нагрузки, ответственность и уровень оплаты совершенно не соответствуют реальности. Например, в Москве и в области прапорщик получает 40–50 тысяч рублей. С учетом того, что большинство прапорщиков — мужчины, представляете, что такое 50 тысяч для Москвы и области? А у него жена в декрете, например, двое детей, он пропадает денно и нощно на службе. А у него даже нет возможности подработать, потому что нам это запрещено. Кого-то держит военная ипотека, но за идею, мне кажется, сейчас уже никто не работает. Очень многие сейчас уехали в зону СВО именно из-за денег.

Помню, как в начале марта в Украине обстреливали атомную электростанцию, я была дома, потому что у меня снова заболел ребенок. И в шесть утра я проснулась, а муж говорит: «Там атомную

электростанцию обстреливают, у нас есть йод?». Мне так страшно стало. Он говорит: «Я поеду в круглосуточную аптеку, бак залью бензином». И еще он, по-моему, заехал и тушенки купил.

Если что-то случится, я об этом даже не узнаю: у нас телефоны на работе запрещены, а городских у нас нет. Не дай бог что случится, я понимаю, что вообще детей не найду. То есть я захожу на работу, а через девять часов выхожу. Нам помогает свекровь, но пару раз случалось такое, что ребенок сам приходил домой из школы больной и сидел один.

Я уже два года только и делаю, что плачу. Мне психиатр сказал: «Если ты не будешь плакать, ты сойдешь с ума». Я могу сидеть на совещании и плакать. Антидепрессанты я принимать не могу — я четыре часа за рулем. Перед окончанием контракта у меня было хоть какое-то успокоение. Сейчас я понимаю, что и его у меня нет.

В законе «О мобилизации» есть пункт, что женщины, имеющие детей до 16 лет, могут быть уволены в период мобилизации. Но мне неизвестны такие случаи. Опять же, было сказано, что у нас «частичная» мобилизация, а эта норма закона действует при «полной». Может быть, будут какие-нибудь прецеденты, но просто в армии еще не так много женщин. Муж предлагает написать рапорт на увольнение, дождаться, пока они откажут, и потом написать в администрацию президента. Но они же, скорее всего, спустят это в подведомственные учреждения, и насколько это поможет?

Все коллеги уже привыкли, что я постоянно плачу, и меня не трогают. Они знают, что если со мной начать разговаривать, то я начинаю плакать еще сильнее. Мои начальники тоже все понимают, но тоже ничего сделать не могут. В принципе, они ведь тоже могли закрутить гайки, ведь с военным служащим можно сделать все, если захотят тебя уволить или посадить. Тебя могут на равную должность отправить хоть куда в стране — и туда отправляют без твоего согласия. Просто зачитывают указ: «Через месяц прибыть туда-то». И ты едешь.

Сейчас я пытаюсь понять, что со мной, грубо говоря, могут сделать. Формально переводить меня на другую должность или в другую часть не могут, потому что я официально не являюсь военным служащим по контракту. Я не могу найти в нормативке, что еще со мной можно или нельзя сделать. Но на службу я ходить обязана.

Редактор: Дмитрий Трещанин

1. В указе «О частичной мобилизации» говорится, что контракты военным служащих российской армии автоматически продлеваются до конца мобилизации.
2. 31 октября в разговоре с журналистами в Сочи Путин сказал, что «не задумывался» над тем, чтобы издать указ об окончании мобилизации — он не издан до сих пор.